

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

Я встретил даму как-то невзначай.
Зовут её красиво, кратко — Смерть.
Я пил на кухне с шоколадкой чай,
И вдруг в глазах всё начало темнеть.

«Тебе со мной понравится, клянусь! —
Она шептала, шею сжав, как жгут. —
Спускайся на пол. Да смелей, не трусь.
Клиническая я. На пять минут».

И точно — наступила благодать.
Порхали птички с лицами родных.
Я был готов всю жизнь вот так лежать,
Остался, правда, не дописан стих...

Приехали врачи — я их не звал.
Кололи вены, били током в грудь.
Короче, я по-новой задышал
И долежу потом когда-нибудь.

РАЗГУЛЯЙ

Не ехать к девкам я не мог,
Допил коньяк — и рюмку об пол.
Ямщик, весёлый мужичок,
Со свистом лошадь плетью хлопнул.

Хотелось петь, и я запел,
Вот только путался словами.
А Петербург мне вслед глядел
Осоловелыми глазами.

Хозяйка здешних номеров
Меня приветливо встречала,
Наливку с чаем предлагала,
Но я к другому был готов.

Мордашки юных Афродит,
Как карты, предо мною встали:
Вот эту, бледную на вид,
И ту, хотя с двумя едва ли...

Проснулся — дождь стучит в окно.
Хотелось пить: «Эй, кто там? Пива!»
Не подошёл ко мне никто.
Шаги за дверью — мимо, мимо...

ОПАЛЁННЫЕ ВОЙНОЙ

Сколько бомб у фрица — нет врага сильней.
Отбомбится. Улетает. И опять.
Сверху смерть и под землёй не веселей,
Так завалит, что попробуй откопать.

Эшелоны на восток, и мы туда.
Что нам было? Пять годков, кому-то шесть.
Детский садик «Путеводная звезда»,
Страх не было, хотелось только есть.

Барнаул — конец пути. Большой детдом.
Понаехали из самых разных мест.
Мы сперва держались все особняком,
Дрались много, и всегда хотелось есть.

В детской памяти провалы — ерунда.
Невозможно всё запомнить и учесть.
День и ночь неслись на запад поезда,
Мы на фронт хотели и, конечно, — есть.

Как нас матери искали по стране,
То отдельная глава. Могу прочесть.
А пока хочу сказать, что на войне
Для детей важней всего — чего поесть?